

ОДУШЕВЛЕННЫЕ / НЕОДУШЕВЛЕННЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «АННА НА ШЕЕ»

Hadi BAK*

РЕЗЮМЕ

Категория одушевленности/неодушевленности имен существительных в русском языке, с одной стороны, отражает деление предметов на живые и неживые, а с другой – имеет четкий грамматический показатель. Вопрос об отношении одних существительных к классу одушевленных, а других к классу неодушевленных остается проблемным. В языкознании нет единой точки зрения по поводу определения лингвистического статуса понятия одушевленности/неодушевленности. Одни ученые признают одушевленность/неодушевленность лексико-грамматическим разрядом слов; другие лексико-грамматической категорией. Кроме того, различны дифференциальные признаки, определяющие принадлежность слов к классу одушевленных/неодушевленных. Выделяются семантический, словообразовательный, морфологический, синтаксический основания. В статье рассматривается функционирование категории одушевленности-неодушевленности на примере отдельного художественного произведения – рассказа А. П. Чехова «Анна на шее». Сопоставление метода вопросов (кто?/что?) и грамматических характеристик склонения имен существительных позволило выявить случаи несоответствия семантики одушевленности/неодушевленности и грамматического показателя исследуемой категории. В результате анализа выделены группы имен существительных: 1) одушевленные имена существительные; 2) неодушевленные имена существительные; 3) имена существительные с колеблющимся показателем одушевленности/неодушевленности (с конкретным указанием на значение в тексте); 4) имена существительные, не имеющие показателей одушевленности/неодушевленности, стоящие вне анализируемой категории. Исследование примеров из текста показывает, что одушевленные и неодушевленные существительные составляют наибольшие группы, в которых представлены как слова, у которых значение грамматического и семантического показателей совпадают, так и слова, у которых значение этих показателей различаются. Гораздо реже встречаются существительные с колеблющимся показателем одушевленности/неодушевленности.

Ключевые слова: категория одушевленности/неодушевленности, грамматический показатель одушевленности/неодушевленности, имя существительное.

A. P. ÇEHOV'UN "BOYNUNDAKİ ANNA" ADLI KISA HİKAYESİNDE CANLI / CANSIZ İSİMLER

ÖZ

Ruşçada canlı/cansız isimlerinin kategorizasyonu, nesnelere simgelediđi kavramların canlı mı yoksa cansız mı olduđunu ifade ederken, öte yandan da açık bir dilbilgisel göstergeyle karşımıza çıkar. Rus dilbiliminde konu üzerine yeteri kadar çalışma yapılmasına karşın; isimlerin bazılarının canlı sınıfına, bazılarının cansız sınıfına olan ilişkileri hâlâ problematiktir. Dilbilimde, canlı/cansız ayrımının dilsel statüsünün tanımı hakkında tek bir bakış açısı yoktur. Bazı arařtırmacılar, canlılık/cansızlık kavramlarını sözlükbilimsel bir kelime kategorisi olarak kabul ederken diđerleri direkt olarak sözlükbilimsel bir kategori olarak ele alır. Ayrıca, kelimelerin canlı/cansız olarak kategorizasyonunu belirleyen farklı özellikler vardır. Anlambilimsel, morfolojik, şekilbilimsel ve sözdizimsel temeller bu hususta ayırt edicidir. Makalemizde, canlı/cansız isim kategorizasyonunun işleyiři, edebi eser olan A. P. Çehov'un "Boynundaki Anna" adlı eseri üzerinden ele alınmıştır. Çalışma kapsamında, file

Arařtırma Makalesi

Makale Gönderim Tarihi: 31.03.2021; Yayına Kabul Tarihi: 15.05.2021

* Dr. Öğr. Üyesi, Atatürk Üniversitesi, Edebiyat Fakültesi, Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü, ERZURUM; ORCID: 0000-0001-6455-1504, E-posta: hadi.bak@atauni.edu.tr

kim?/ne? sorularının sorulması yönteminin ve isim çekimlenmesindeki gramer karşılaştırılması, canlı/cansız isimler belirlenirken, anlambilimsel ve dilbilimsel kategorizasyonlar arasında ortaya çıkan tutarsızlıkların incelenmesine olanak sağlamıştır. Analiz sonucunda, isimler şu şekilde tanımlanır: 1) canlı isimler; 2) cansız isimler; 3) bağlamsal canlı/cansız isimler (buldukları metnin kapsamına göre spesifikize edilen), 4) canlı veya cansız kategorisi dışında kalan isimler. Araştırma ışığında metin incelemesine göre canlı ve cansız isimler kategorisi, dilbilgisel ve anlamsal açıdan örtüşen ve örtüşmeyen kelimelerin her ikisinde sergilendiği en büyük grubu oluştururken bağlamsal endeksli canlı/cansız isimlerin çok daha az yaygın bir kullanıma sahip olduğu gözlenmiştir.

Anahtar Kelimeler: Canlı / Cansız İsim Kategorisi, Canlı / Cansızlığın Dilbilgisel Göstergesi, İsimler.

ANIMATE / INANIMATE NOUNS IN THE SHORT STORY "ANNA ON THE NECK" BY A. P. CHEKHOV

ABSTRACT

The category of animateness/inanimate nouns in the Russian language, on the one hand, reflects the division of objects into living and inanimate, and on the other-has a clear grammatical indicator. The article considers the functioning of the category of animateness-inanimate on the example of a separate work of art – the story of A. P. Chekhov "Anna on the neck". Comparison of the question method (who?/what?) and the grammatical characteristics of the declension of nouns allowed us to identify cases of inconsistency between the semantics of animateness/inanimacy and the grammatical index of the category under study. As a result of the analysis, groups of nouns are identified: 1) animate nouns; 2) inanimate nouns; 3) nouns with a fluctuating animate/inanimate index (with a specific indication of the meaning in the text); 4) nouns that do not have indicators of animateness/inanimate, standing outside the analyzed category. The study of examples from the text shows that animate and inanimate nouns make up the largest groups, in which both words are represented, in which the meaning of grammatical and semantic indicators coincide, and words, in which the meaning of these indicators differ. Much less common are nouns with a fluctuating animate/inanimate index.

Keywords: Category of Animateness/Inanimate Nouns, Grammatical Indicator of Animateness/Inanimate Nouns, Noun.

Введение

Известно, что слово является не только номинативной единицей, называющей явления, предметы действительности, но частью коммуникативного высказывания, поэтому грамматические явления проявляются во всей полноте только в тексте, конкретном речевом окружении (Вак, 2017, с. 38). Читая тексты русских классиков, мы можем обратить внимание на особенности функционирования определенных категорий существительного в отдельных художественных произведениях.

Определенный интерес представляет изучение категории одушевленности имен существительных. Данная лексико-грамматическая категория, с одной стороны, отражает деление предметов на живые и неживые, а с другой – имеет четкий грамматический показатель. По верному замечанию Д. Аксана (2009, с. 85). «термин «имя» использовался для элементов, которые служат для определения живых и неодушевленных существ в природе, мышления, эмоций, событий и ситуаций».

Как известно, к грамматически одушевленным относятся имена существительные, у которых совпадают формы винительного и родительного падежей множественного числа (а также единственного числа для существительных мужского рода): *вижу людей, животных – нет людей, животных*. Совпадение форм винительного и именительного падежей множественного числа

(а также единственного числа для существительных мужского рода) является грамматическим признаком неодушевленности: *вижу облака, деревья и т.п.* Косвенным выражением семантики одушевленности/неодушевленности может являться контекст (Вак, 2021, с. 44-45), однако приоритет при определении грамматической характеристики слова всегда остается за сопоставлением падежей.

Как справедливо отмечает А.Г. Нарушевич (2002, с. 75) «внимание исследователей постоянно привлекают случаи несоответствия объективного статуса предмета характеристике по одушевленности-неодушевленности соответствующего субстантива на уровне языка: *мертвец, кукла, ферзь, народ, дуб* и т.п. Несоответствие, о котором идет речь, может быть рассмотрено как одно из проявлений субъективности в языке».

Нам кажется интересным исследование категории одушевленности/неодушевленности на примере рассказа А.П. Чехова «Анна на шее». При анализе имен существительных, встречающихся в этом произведении, можно отметить, что все имена существительные могут быть подразделены на 4 группы:

- 1-Одушевленные имена существительные;
- 2-Неодушевленные имена существительные;
- 3-Существительные с колеблющимся показателем одушевленности / неодушевленности (с конкретным указанием на значение в тексте);
- 4- Существительные, не имеющие показателей одушевленности / неодушевленности.

При анализе конкретных словоформ в тексте нам кажется уместным использовать план, предложенный Л.Д. Чесноковой (1991, с. 15-16). В работе «Русский язык. Трудные случаи морфологического разбора».

1. Одушевленные имена существительные представляют собой достаточно многочисленную группу, в которой встречаются как имена нарицательные, так и собственные слова, совпадающие в грамматическом и семантическом показателях одушевленности/неодушевленности, а также примеры несовпадения этих показателей (Švedova, 1970, с. 5, 7).

Среди имен собственных достаточно часто употребляется существительное *Модест*, имя мужа главной героини. Обычно это существительное употреблено в форме Им. п. («*Когда Модест Алексич уходил на работу...*»), но мы встречаем формы и Р.п. («*...но она уже не боялась Модеста Алексеевича*»), В.п. («*Он увидел Модеста Алексеича*»). Анализ семантического показателя говорит, что данное существительное обозначает живой предмет, способный к самостоятельному передвижению и отвечает на вопрос (кто?). Исследование грамматического признака, который Л.Д. Чеснокова считает основным и определяющим, показывает, что данное существительное следует относить к классу одушевленных, поскольку мы наблюдаем совпадение форм Р.п и В.п у слова единственного числа мужского рода. Таким образом, мы видим полное совпадение семантического и грамматического показателей у данного слова. Подобную ситуацию мы наблюдаем у слов *Артынов, Петр, Леонтъич*. Все эти существительные обозначают лиц мужского пола, способных к самостоятельному передвижению, и отвечают на вопрос (кто?). Кроме того, мы наблюдаем совпадение форм Р.п. и В.п. «*... приехал господин Артынов с визитом*» (Им.п.); «*Вскоре после Артынова...*» (Р.п.); «*Она увидела Артынова*»(В.п.); «*Петр Леонтъич, запевая сильнее прежнего*» (Им.п.); «*Аня не*

взглянула на Петра Леонтьича». В данных примерах мы наблюдаем полное совпадение грамматического и семантического показателя.

Интересно рассмотреть ряд нарицательных существительных с точки зрения их отношения к признаку одушевленности/неодушевленности. Так, в предложении «*Но мало-помалу и громадного офицера прорвало...*» словоформа *офицера* также обозначает живой предмет, способный к самостоятельному передвижению, и отвечает на вопрос (кто?). В данном контексте это существительное употреблено в форме Р. п., но это же существительное мы встречаем и в форме В. п. «*Вижу громадного офицера*». Сопоставление этих форм показывает, что на основании грамматического показателя данное существительное следует отнести к классу одушевленных, поскольку у него форма Р. п. совпадает с формой В. п.

Иначе ведут себя существительные женского и среднего рода. В предложении «*Глядела лукаво, точно она уже была королева...*» словоформа *королева* обозначает лицо женского пола и отвечает на вопрос (кто?). Грамматический критерий анализа требует от нас образование форм множественного числа Им. п, Р. п, В. п для данного слова. Так это существительное в Им. п. множественного числа будет иметь форму *королевы* в Р. п. множественного числа - *королев*, в В. п. множественного числа *королев*. Мы наблюдаем совпадение Р. п. и В. п. и на этом основании относим данное слово к классу одушевленных существительных, отмечая, что исследование семантического показателя подтверждает правильность нашего вывода.

В предложении «*Вскоре после Артынова приезжал его сиятельство благодарить...*» словоформа *сиятельство* является существительным мужского рода с нетипичным окончанием *о*. Учитывая, что это существительное обозначает живой предмет, способный к самостоятельному передвижению, и отвечает на вопрос (кто?), обратимся к грамматическому показателю. При образовании форм множественного числа мы получаем в именительном падеже слово *сиятельствва*, в Р.п. - *сиятельств* и в В.п. - *сиятельств*. Совпадение форм двух последних падежей также заставляет нас относить данное существительное к разряду одушевленных, отмечая совпадение грамматического и семантического показателей.

Наиболее интересно рассмотреть случаи, при которых мы наблюдаем ряд расхождений. Так, в предложении «*Всегда возилась с Аней и одевала ее изящно, как куклу...*» существительное *кукла* не имеет четкого соответствия между понятием **живое/неживое**, потому что обозначает предмет, являющий подобие живого. Л.Л. Буланин рекомендует задавать к таким существительным вопрос (кто?) (Bulanin, 2006, с. 73). При анализе грамматического показателя мы обращаемся к формам множественного числа *куклы* (Им.п.), *кукол* (Р.п.), *кукол* (В.п.). Поскольку грамматический критерий принято считать основным, мы считаем это слово одушевленным, но отмечаем, что анализ значения обнаруживает несовпадение грамматического и семантического показателей.

Таким образом, анализ одушевленных существительных, встречающихся в рассказе Чехова «*Анна на шее*» показывает, что большинство слов обнаруживает совпадение грамматического показателя с семантическим, но встречаются такие примеры, в которых мы наблюдаем несовпадение и принимаем решение в пользу грамматического критерия.

2. Неодушевленные существительные составляют наиболее многочисленную группу из встречающихся в данном тексте. В отличие от одушевленных, почти все из них являются именами нарицательными. Они обозначают названия бытовых предметов, элементов гардероба, учреждений, помещений, форм занятий.

Рассмотрим некоторые из них. Так, в предложении «... в церкви глядели на нее печально...» словоформа *в церкви* является существительным женского рода, обозначающим религиозное специальное учреждение, являющееся неживым предметом и отвечающее на вопрос (что?). Поскольку это слово относится к женскому роду, мы обращаемся к формам множественного числа: *церкви* (Им.п.), *церквей* (Р.п.), *церкви* (В.п.). Мы наблюдаем совпадение форм Им.п. и В.п. во множественном числе, что говорит о принадлежности слова к классу неодушевленных существительных. Анализ семантического показателя подтверждает правильность нашего вывода. Подобное совпадение наблюдается у большинства неодушевленных существительных женского рода, встречающихся в этом тексте.

Не менее часто встречаются неодушевленные существительные мужского рода. В предложении «*Она любила шоколад...*» словоформа *шоколад* обозначает тип пищевого продукта, неживой предмет, неспособный к самостоятельному передвижению. При постановке вопроса мы используем местоимение *что*. В данном контексте это слово употребляется в форме В.п. При образовании форм (Им.п.) *шоколад* и (Р.п.) *шоколада* мы наблюдаем совпадение форм Им.п. и В.п., что является основанием для отнесения данного существительного к классу неодушевленных при совпадении грамматического и семантического критериев. Подобное совпадение наблюдается почти у всех неодушевленных существительных, встречающихся в данном тексте.

Словоформу среднего рода мы находим в предложении «...*подошел к ней, протягивая блюдечко с красным мороженым*». Существительное *блюдечко* обозначает разновидность посуды, то есть неживой предмет, неспособный к самостоятельному передвижению и отвечает на вопрос (что?). В данном предложении это слово употреблено в форме В.п. единственного числа. Образует формы Им.п., Р.п., В.п. множественного числа: *блюдечки* - Им.п., *блюдечек* - Р.п., *блюдечки* - В.п. Формы Им.п. и В.п. равны друг другу, следовательно, данное существительное является неодушевленным, что подтверждает анализ его значения и вопроса.

Особую группу неодушевленных существительных, встретившихся в данном произведении, составляют слова, которые обозначают парные неживые предметы. Ряд этих слов имеют соотносительные формы единственного числа (*усы-ус*), но данные существительные чаще употребляются во множественном числе, так как в реальной действительности эти предметы встречаются лишь в парных экземплярах. Рассмотрим предложение «*Аня должна была<...> штопать братьям чулки*». Словоформа *чулки* отвечает на вопрос (что?) и обозначает неживой парный предмет, поэтому мы считаем это существительное семантически неодушевленным. В данном контексте слово *чулки* употреблено в форме В. Образует соотносительные формы Им. п., Р. множественного числа. Мы получаем слова *чулки* (Им. п.) и *чулок* (Р. п.). Сопоставив формы 3-х падежей, можно отметить, что Им. п. совпадает с В. п., что свидетельствует о принадлежности существительного *чулки* к классу неодушевленных. Анализ значения и вопроса, проведенные выше, подтверждают правильность вывода.

В рассказе Чехова «*Анна на шее*» также встречаются существительные, в которых наблюдаются несовпадения анализа грамматического и семантического показателей. Так, в предложении «*Толпа сослуживцев и родных стояла...*» интересна словоформа *толпа*. Это существительное обозначает скопление людей (живых существ). Л.Л. Буланин (2006, с. 76) рекомендует к словам, обозначающим людей как одно целое, задавать вопрос *кто?* При анализе грамматического показателя мы

получаем формы *толпы* (Им. п.), *толп* (Р. п.) и *толпы* (В. и.). При сопоставлении падежных образований оказывается, что совпадение форм Им. п. и В. п. позволяет считать слово *толпа* грамматически неодушевленным. Поскольку грамматический показатель мы признаем определяющим, это существительное следует отнести к классу неодушевленных, отметив несовпадение значения, вопроса и грамматического показателя.

3. Существительные с колеблющимся показателем одушевленности /неодушевленности встречаются в тексте наиболее редко. Это объясняется тем, что подобные существительные составляют сравнительно небольшую группу слов в русском языке. Употребление таких единиц по естественным причинам составляет значительно меньший процент, чем употребление существительных, принадлежащих к классу неодушевленных существительных. В тексте интересующего нас произведения мы встречаем пример такого словоупотребления: «*Пойдите прочь, болван!*». Мы знаем, что слово *болван* являясь прежде обозначением античного бога, переносится на людей, приобретая пренебрежительно-негативную окраску. Случаи употребления такого существительного в бранном значении по отношению к человеку предполагают наличие морфологических признаков одушевленности. В данном контексте это слово выполняет функцию обращения, что предполагает употребление его в форме Им. п. Руководствуясь лишь грамматической формой слова, мы не можем точно определить характеристику слова по отношению к категории одушевленности /неодушевленности. Но, имея в виду семантику данной словоформы, то есть применение к характеристике живого лица, мы гипотетически можем образовывать формы Р. п. и В. п. для употребления слова именно в этом значении. Мы получаем словоформы *болвана* (Р. п.) и *болвана* (В. п.). Сопоставление этих форм показывает, что существительное *болван* имеет в данном контексте морфологические признаки одушевленности, но мы отмечаем, что в другом значении оно может выступать как неодушевленное, подобно существительным *идол*, *истукан*. Необходимо отметить, что употребление существительного *болван* как одушевленного значительно в большей степени распространено в русском языке, чем употребление его неодушевленного варианта, являющегося для современной речи устаревшим.

4. Последнюю группу составляют существительные не обладающие грамматическими показателями одушевленности/неодушевленности. Эти существительные представлены тремя типами слов:

1-имена нарицательные, обозначающие лиц женского пола и имеющие окончания **-а(я)**; или имена нарицательные, обозначающие лиц мужского пола с тем же окончанием;

2-неизменяемые существительные, для которых единственным грамматическим показателем одушевленности/неодушевленности может служить форма согласованного определения;

3-существительные женского рода (*singularia tantum*), имеющие лишь форму единственного числа.

Рассмотрим функционирование слов каждой из приведенных выше групп, используя примеры из анализируемого нами текста.

Среди имен собственных наиболее часто употребляется существительное *Анна*, уменьшительно-ласкательные образования *Аня*, *Анюта*, являющиеся именем главной героини. Кроме того, данное существительное достаточно часто

употребляется в другом значении: название ордена, присваиваемого за особые достижения в службе. Интересно отметить, что при обозначении лица женского пола, то есть главной героини, мы не можем сопоставлять морфологические формы падежей, поскольку во всех случаях имеем дело лишь с единственным числом. Например, *«Анюта! Анюта! Анюта! На одно слово»*, *«... сказал он, садясь рядом с Аней»*, *«... стали искать для Ани хорошего человека»*. Нам известно, что для существительных женского рода формы единственного числа недостаточно для определения грамматических показателей одушевленности / неодушевленности. Обратимся к формам согласованных слов. Лишь в одном случае, при наличии парцелляции в предложении *«Вот ты у меня какая... вот ты какая! Анюта!»*. Мы можем определить падеж согласованного определения, выраженного относительным местоимением *какая*, но в этом контексте и слова *Анюта* и слово *какая* употреблены в форме Им. п. единственного числа, чего явно недостаточно для характеристики грамматического показателя одушевленности / неодушевленности. В подобном случае мы отмечаем лишь специфику семантики слова, признавая, что оно обозначает живой предмет, способный к самостоятельному передвижению. Говорить об одушевленности / неодушевленности таких существительных нет оснований, так как нет грамматических показателей.

Употребление существительного *Анна* в значении *орден*, выдаваемый за особые достижения в службе, предполагает возможность образования формы множественного числа. Подобный пример мы встречаем в предложении *«Значит, у вас три Анны: одна в петлице, две на шее»*. В этом случае существительное *Анна* обозначает неживой предмет, неспособный к самостоятельному передвижению, при его анализе целесообразно задавать вопрос (что?): *Получил (что?) Анну*. В чеховском контексте словоформа *Анны* употреблена в форме В. п. При ее сопоставлении с формами Им. п. *Анны* и Р. п. *Анн* мы замечаем совпадение форм Им. п. и В. п., что является основанием для отнесения слова в этом значении к классу неодушевленных. В то же время мы знаем, что слово *Анна* в значении имени лиц женского пола в исключительных случаях при образовании форм множественного числа имеет другие соотносительные падежные пары. Например, *В классе три Анны; нет трех Анн; вижу трех Анн*. В данном случае мы имеем дело с совпадением форм Р. и В. падежей, то есть грамматическим признаком одушевленности.

Учитывая двойную характеристику данного слова, его в равной степени можно, на наш взгляд, относить как к группе существительных, не имеющих грамматических показателей одушевленности/неодушевленности, так и к группе существительных с колеблющимся показателем одушевленности/неодушевленности с указанием конкретного значения в тексте.

Дважды мы встречаем в тексте неизменяемые существительные: *«Модест Алексеевич осмотрелся в купе, разложил вещи по полкам и сел против своей молодой жены, улыбаясь»*; *«В антрактах он не отпускал не на шаг, а ходил с ней под руку по коридорам и по фойе»*. В обоих случаях мы имеем дело с неизменяемыми существительными, заимствованными из европейских языков. Слова *купе* и *фойе* имеют застывшие формы И. П., несмотря на то, что первое употреблено в П. п., а второе – в Д. п. Неизменяемость этих слов говорит об отсутствии морфологических признаков одушевленности/неодушевленности. Кроме того, в обоих случаях словоформы *в купе* и *по фойе* не имеют при себе согласованных определений или придаточного определительного, поэтому мы можем говорить об отсутствии грамматических показателей одушевленности/неодушевленности, определяя лишь специфику

семантики этих слов как обозначающих неживые предметы (Сеснокова, 1991, с. 235).

Достаточно часто мы встречаем в рассказе А. П. Чехова «Анна на шее» случаи употребления существительных женского рода, обозначающих абстрактные понятия и имеющих формы только единственного числа (*singularia tantum*).

В предложении «*В голосе слышалась слабость и доброта*» существительные *слабость* и *доброта* относятся к женскому роду и обозначают абстрактные понятия. Подобные случаи встречаем в тексте неоднократно: «...*в браке он отдает первое место религии и нравственности...*». Словоформы *религии* и *нравственности*, как и словоформы *слабость* и *доброта*, не имеют грамматических показателей одушевленности/неодушевленности, поскольку данные существительные неспособны образовывать формы множественного числа (Sovremenniy russkiy yazik, 2001, с. 367). Имея в виду семантику этих слов, мы можем говорить о том, что они обозначают неживые предметы и по семантическому критерию относятся к неодушевленным. Но совокупный анализ всех признаков не позволяет точно определить одушевленность/неодушевленность данных существительных, поэтому мы оцениваем их как не имеющие грамматических показателей одушевленности/неодушевленности.

Заключение

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

В рассказе А.П. Чехова категория одушевленности/неодушевленности представлена достаточно широко. Все существительные по признаку одушевленности/неодушевленности подразделяется на 4 группы:

- 1-одушевленные имена существительные;
- 2-неодушевленные имена существительные;
- 3-существительные с колеблющимся показателем одушевленности (с конкретным указанием значения в тексте);
- 4-существительные, не имеющие грамматических показателей одушевленности/неодушевленности.

Исследование примеров из текста показывает, что одушевленные и неодушевленные существительные составляют наибольшие группы, в которых представлены как слова, у которых значение грамматического и семантического показателей совпадают, так и слова, у которых значение этих показателей различаются. Существительные с колеблющим показателем одушевленности/неодушевленности встречаются в тексте довольно редко: мы имеем лишь один пример, такого словоупотребления.

Семантика одушевленности-неодушевленности имен существительных, употребленных в рассказе, является частью образной системы художественного произведения и позволяет А.П. Чехову добиться высокой степени эффективности использования всех семантико-стилистических возможностей лексико-грамматической системы русского языка. В текстах, созданных А.П. Чеховым, представлена стихия русского языка во всех ее проявлениях и тончайших оттенках. Особенности идиостиля произведений А.П. Чехова не выходят за рамки языковой системы и демонстрируют способность русского литературного языка к гибкости, выразительности и богатой образности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BAK, H. (2017). "Faktori Vliyaniya na Smisloviye Otnoşeniya v Predlojeniyah Russkogo Yazıka". *Visnik Kiyevskova Natsionalnovo Lingvistiçeskova Universiteta. Seriya Filologiya*. II: 37-41.
- BAK, H. (2019). "Ruşça Söz Diziminde Sözcük ve Sözcük Grupları". *International Conference on Academic Studies in Philology* (26-28 Eylül 2019). Balıkesir: 97-102.
- BAK, H. (2021). "Periferiçeskiye Sredstva Virajeniya Semantiki Oduşevlennosti-Neodushevlennosti". *Izvestiya Yujnova Federalnovo Universiteta. Filologiçeskiye Nauki* I:44-47.
- BULANIN, L. L. (2006). *Trudniye Voprosı Morfologii: Posobiye Dılya Uçiteley*. Moskva: Prosveşçeniye.
- ÇESNOKOVA, L. D. (1991). *Russkiy Yazık. Trudniye Şluçai Morfologiçeskova Razbora: Uçeb. Posobiye Dılya Studentov-Filologov*. Moskva: Vışşaya Şkola.
- DOĞAN, A. (2009). *Her Yönüyle Dil, Ana Çizgileriyle Dilbilim*. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları.
- Grammatika Sovremennogo Russkogo Literaturnogo Yazyka* (1970). (ed. N. YU Şvedova). Moskva: Nauka.
- KASATKİN, L. L. vd. (2011). *Obrazovaniya Russkiy Yazık: Uçebnik Dılya Stud.* Moskva: Uçrejdeniy Vışş.
- NARUŞEVIÇ, A. G. (2002). "Kategoriya Odushevlennosti-Neodushevlennosti i Yazıkovaya Kartina Mira". *Russkiy Yazık v Şkole*. III: 75-78.
- Russkaya Grammatika* (1980). (ed. N. YU Şvedova). Moskva: Nauka.
- Sovremenniy Russkiy Yazık-Teoriya* (2001). Moskva: Akademiya.
- VİNOGRADOV, V. V. (1986). *Russkiy Yazık. Uçebnoye Posobiye Dılya Vışşih Uçebnih Zavedeniy*. Moskva.